УДК 81

ТРОПЫ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ В РЕЧИ ГЕРОЕВ РАССКАЗОВ Д. РУБИНОЙ

TROPES AND STYLISTIC FIGURES IN THE SPEECH OF THE HEROES D. RUBINA'S STORIES

©Федорова Н.Н.
канд. филол. наук
Сочинский государственный университет
г. Сочи, Россия
natafe00@mail.ru
©Fedorova N.
PhD
Sochi State University
Sochi, Russia
natafe00@mail.ru

Аннотация. Объектом рассмотрения данной работы явились различные тропы и стилистические фигуры, используемые в речи героев рассказов Д. Рубиной. Предмет исследования — назначение тропов и стилистических фигур в речи героев рассказов. Цель исследования — дать их функциональную характеристику. Использован метод стилистического анализа. В процессе работы определена роль тропов и стилистических фигур в речи героев в текстах рассказов Д. Рубиной.

Abstract. The object of the investigation of this work were different tropes and stylistic figures used in the speech of the heroes D. Rubina's stories. The subject of the research is the purpose of the tropes and stylistic devices in the speech of the characters' stories. The aim of the study was to give them the functional characteristic. The method of stylistic analysis was used. The role of tropes and stylistic figures was defined in the speech of the characters in D. Rubina's stories.

Ключевые слова: тропы, стилистические фигуры, речь персонажа, рассказы Д. Рубиной.

Keywords: tropes, stylistic devices, speech of the characters, D. Rubina's stories.

Герои рассказов Д. Рубиной используют в своей речи различные тропы и стилистические фигуры, которые, будучи средствами художественной выразительности, делают их высказывания образными и более яркими.

Например, героиня одного из рассказов употребляет фразеологизм:

– *Слушай, все равно мне нужно ежедневно бегать глазами по строчкам, а я забыла книги дома…* («Холодная весна в Провансе»). Известно, что фразеологизмы являются источниками ярких образов. Другой пример употребления фразеологического сравнения: – *«Этот Терстех», один из его родственников, висел над ним в те годы, как домоклов меч* (Там же).

Тропы передают субъективный взгляд говорящего на мир, выражают его оценку, эмоции. Следующая реплика героя из рассказа «Еврейская невеста», который объясняет причину своего отъезда, вся наполнена средствами выразительности: – *Все напрасно… – проговорил он. – Я ловить воздух… Я искать дым… Знаешь, что я думаю? Всякий мужчина ищет своя половина и находит. Вот вы: даже когда ты кричишь на Борис, видно, что ты — от него половина…*

У меня же просто нет половина… Моя половина, моя женщина… Понимаешь? Ее просто нет на земле. Наверно, она ушла в дым, эта девочка, когда я сидел в пальто и шапке в задней комната у дяди Говарта и тети Анны… Наверно, ее превратили в пепел, как всех в моя семья… Здесь использованы синтаксический параллелизм, метафоры, сравнение. Как видим, объем метафоры может быть различным. Ее наполнение определяется задачами говорящего (и добавим — автора рассказа). Она может представлять собой не только словосочетание, но и развернутый текст.

Такое средство выразительности, как эпитет в силу субъективности передает оригинальную характеристику предмета при его описании, выражая в следующем примере отрицательную оценку говорящего: *– Только не клади свою помойную книжку на эту ослепительную скатерть* («Холодная весна в Провансе»).

Образ, который создается тропом, строится на сравнении (явном или скрытом), рождающем новое, переносное, иносказательное значение слова или сочетание слов. При описании портрета доктора Рея героиня использует сравнения: *– …Такой желтолицый мужчина, похожий на японца? Мушкетерская бородка, фон — желто–зеленый, в огурцах... И застегнут на одну пуговицу...* На что получает ответ мужа: *– Типично женское описание картины...* (Там же) Как видим, сам персонаж отметил гендерные особенности речи собеседницы, связанные с употреблением прилагательных при описании субъективного восприятия. Не вдаваясь подробно в этот аспект, все же следует отметить, что в рассказах Д. Рубиной реплики персонажей слабо демонстрируют средства гендерной характеристики. Речевые особенности героинь с позиции категории «гендер» показывают невысокую степень признаков «женского языка». Лингвисты О'Барр и Аткинс утверждают, что особенности женского языка не присущи речи всех женщин; частота проявления тех или иных признаков языка женщин больше связана не с полом, а с их социальным статусом и уровнем владения родным языком: чем они выше, тем меньше выражены особенности «женского языка» [Цит. по: 1, с. 166]. Небольшой процент использования в речи примет «женского стиля» предположительно связан с достаточно высокой социальной позицией героинь рассказов Д. Рубиной. Автор зачастую выступает рассказчицей в произведениях, которые во многом автобиографичны.

Использование языковых средств выразительности говорящим демонстрирует хорошее знание языка и его выразительных средств, говорит о его образованности, словарном запасе, образном мышлении.

Приведенные примеры использования тропов и стилистических фигур в речи персонажей показывают, что «характеристика (в том числе социальный портрет) говорящего «прочитывается» через его речь» [2, с. 212].

Использование гиперболы говорящим часто демонстрирует эмоциональное преувеличение сути обсуждаемого: *– А я вам сто раз говорила: три дня — и точка. И ни минутой дольше* («Камера наезжает»).

Риторический вопрос в следующем примере служат для усиления утверждения мысли говорящего: *– Вот и отлично. Что за художник без скандала? Ты читай, читай, как жили настоящие художники, и что они отвечали ханжам на требование сменить носки!..* («Холодная весна в Провансе»). Здесь же видим лексический повтор и риторическое восклицание, усиливающие воздействие на адресата.

Информация о персонаже может быть передана как эксплицитно, так и имплицитно. Имплицитно сведения передаются при помощи разнообразных синтаксических средств. Среди них такой прием, как изоколон — стилистическая фигура, состоящая из сопоставляемых отрезков речи, члены предложений которых расположены в одинаковом порядке: *– Ну...*

стенгазеты рисовать, деньги на цветы собирать, если писатель какой-нибудь выступает... Опаздывающих клеймить («Уроки музыки»). Таким образом, героиня рассказа, используя клишированные выражения, поясняет свои обязанности «культмассового сектора».

Речь персонажей зачастую является производным от социально–бытовых реалий, оказываясь средством создания комического. Герои рассказов шутят и иронизируют, намеренно употребляя слова, словосочетания, предложения в смыслах, противоположных буквальному. Ирония предполагает удержание в сознании говорящего и собеседника сразу двух значений слова — прямого и переносного (противоположного первому). В следующем примере иронией передается оценка предмета речи и эмоции говорящего: – *Бедный Тео <...> получал весьма скромное жалование и, между прочим, во всем себя ограничивал. Представь, как он должен был обрадоваться, узнав, что у него уже не один, а два нахлебника на шее, причем в скором времени родится третий...* («Холодная весна в Провансе»).

В другом примере при разговоре по телефону одна сестра интересуется у другой: – *У тебя кудряшки-то остались, цыганенок?* И получает ответ: – *Нет, у меня лысина* («Цыганка»).

В рассказе «Адам и Мирьям» рассказчица спрашивает у женщины, с которой только что познакомилась: – *Сколько же лет вы за рулем?* На что та отвечает шутливо: – *Совсем немножко. Сорок пять…* Эта же героиня (респектабельная женщина) перед тем, как зайти в кафе, произносит: – *Здешний грибной суп, да еще в такой ливень, может поистине украсить жизнь двум бродяжкам, вроде нас с вами*.

Муж героини одного из рассказов шутливо произносит: «*Пойдем, купишь путеводитель по Провансу <...> По крайней мере будешь знать, кто в кого здесь плюнул*...» («Холодная весна в Провансе»).

В рассказе «Еврейская невеста» герой шутит: – *Это уже Голландия. // <...> Смотреть в окно: когда коровы красивей, чем женщины, значит, мы въехать в Голландию*... Тропы и фигуры речи персонифицируют речь героев того или иного рассказа, воздействуют на воображение читателя.

В рассказе «На Верхней Масловке» герой обращается к собаке, используя речевые клише и штампы, что создает комизм ситуации: – *А что, швейная фабрика — это идея, – пробормотал Петя, опускаясь на корточки и бесцеремонно трепля разомлевшего пса. — А? Давай, друг, я уведу тебя из злачных мест в места трудовой славы, например, к вахтеру Симкину… Довольно быть прихлебателем у искусства, пора начать здоровую трудовую жизнь… Ну пойдем, здесь не очень далеко. Давай, восстань из праха… Прекрати, говорю, валяться, как слабоумный. Пойдем!* В этом примере наблюдается также прием амплификации — фигура нарочито пространной речи, в которой нагнетаются однородные по своему содержанию или форме единицы — синонимы, сравнения, одноструктурные производные, одинаковые по длине фразы, однородные члены предложения и т. д. — для экспрессивного усиления мысли.

Тропы и стилистические фигуры модифицируют, трансформируют свое основное значение в процессе речи (в процессе создания текста), тем самым они выполняют текстообразующую функцию.

Можно сделать вывод, что использование тропов и стилистических фигур создает в речи персонажей оригинальное сочетание слов с переносным значением, наполняет их речь оттенками смысла, который вкладывает автор, создавая тем самым речевую характеристику героя.

Тропы и речевые фигуры в речи персонажей выполняют и эстетическую функцию, демонстрируя процесс творчества писателя при создании художественного образа.

Список литературы:

1. Кирилина А. В. Гендер в межкультурной коммуникации. М., 2005.
2. Федорова Н. Н. Речевая характеристика героев в рассказах Д. Рубиной // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2015. №20. С. 208–212.

Источники:

Рубина Д. Ральф и Шура: рассказы. М.: Эксмо, 2012. 176 с.
Рубина Д. Цыганка: рассказы. М.: Эксмо, 2011. 176 с.

References:

1. Kirilina A. V. Gender v mezhkul'turnoi kommunikatsii [Gender and Intercultural Communication]. Moscow, 2005.
2. Fedorova N. N. Rechevaya kharakteristika geroev v rasskazakh D. Rubinoi [Speech feature characters in the stories D. Rubin]. Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty, 2015, no. 20. pp. 208–212.

Literary Sources:

Rubina D. Ral’f i Shura [Ralph and Shura]: stories. Moscow, Eksmo, 2012, 176 p.
Rubina D. Tsyganka [Gypsy woman]: stories. Moscow, Eksmo, 2011, 176 p.

Работа поступила в редакцию 24.02.2016 г.

Принята к публикации 29.02.2016 г.